

Культура. — 1991. — 26 окт. — С. 8

Б. Васильев:

Думать о личных потерях сегодня, право, неловко

Обеспечить правопреемственность власти в переходный период, стать гарантом стабильности во взаимоотношениях между республиками, создать определенное общее правовое пространство для проведения радикальных экономических реформ — такую миссию призван выполнить новый союзный парламент, первая сессия которого вопреки многим пессимистическим прогнозам открылась на минувшей неделе.

Среди депутатов, впервые избранных в высший орган представительной власти, известный писатель Борис Васильев.

— Борис Львович, с самого первого дня вам пришлось не просто участвовать в работе парламента, а вести заседания Совета Союза. С ролью председательствующего, на мой взгляд, вы справлялись блестяще. А каково ваше самоощущение, каковы первые впечатления о деятельности палаты?

— Коллеги избрали меня временным председателем Совета из уважения к моему возрасту. Я же опометчиво согласился, не представляя заранее, насколько это сложное дело. А потом отступать было уже поздно.

Первые дни работы сессии я оцениваю с изрядной долей оптимизма. Мне нравятся атмосфера, в которой проходят заседания Совета Союза. Предлагаются разные точки зрения, сталкиваются мнения, но в выступлениях нет агрессивности, нет неуважительного отношения к своим оппонентам. Спор при стремлении выяснить истину — вещь совершенно необходимая. Но меня радует то, как он ведется. Спокойно, корректно, без излишней раздражительности, без «шашки наголо». И работаем мы весьма продуктивно. За полтора дня

приняли регламент сессии, раньше этим занимались месяцами.

Очевидно, что нам помогает опыт наших предшественников. Я ни в коей мере не склонен умалять значение прежнего Верховного Совета, и не разделяю тех обвинений, которые порой звучат в его адрес. Первый парламент сделал очень многое. Он выработал основы парламентской деятельности, обратил внимание общества на то, что оно живет без законов, разработал новые подходы к законодательству. Он просто, наконец, переболел многими болезнями, которыми неизбежно болеет первенец. Принимая на себя эти болезни, он облегчил путь идущим следом за ним — республиканским Верховным Советам, нашему парламенту.

— Выступая на открытии сессии, М. С. Горбачев сравнил миссию союзного Верховного Совета с миссией Учредительного собрания. Вам, писателю, глубоко и серьезно изучавшему историю Октябрьского переворота, все, что ему предшествовало, представляется ли эта аналогия оправданной?

— Если говорить об аналогиях, то примером с Учредительным собранием они не исчерпываются. Ряд их совершенно поразителен. Вспомним август 1917 года — Корниловский путч, август 1991-го — павловско-янаевский путч. Сентябрь 1917 года — предпарламентская ситуация. Представители различных движений, партий намереваются совместно работать. Сентябрь 1991 года — V съезд народных депутатов, который делает то же самое. Сейчас я со страхом думаю: скорей бы закончился октябрь, не дай бог, аналогия будет полной.

Ну это, конечно, шутка. А если серьезно, сравнение с Учредительным собранием

воплне корректно и точно. Действительно, на наш Верховный Совет возлагаются похожие функции — упорядочить в переходный период уже существующие структуры власти, утвердить новые, вырабатывать компромиссные подходы в решении сложных вопросов.

Несомненно, наш Верховный Совет не ждет легкое будущее. Думаю, на смену нам придет совершенно новый властный орган, сформировавшийся на иных принципах, с иными функциями.

— То, что путь парламента будет нелегким, подтверждают уже первые дни его работы. Ни Совет Союза, ни Совет Республик до сих пор не избрали председателей палат, рассчитывая на участие в выборах депутатов от республик, не прибывших к началу сессии. Мнения депутатов на этот счет разделились. Одни полагают, что надо еще раз переждать свое приглашение Верховным Советам суверенных республик, другие убеждены: хватит уговаривать, пора пойти на принцип... Какова ваша личная точка зрения?

— Я считаю, отложив выборы председателя, мы поступили совершенно правильно. Беда нашего общества, что мы слишком часто во главу угла ставили принцип. Важно сегодня сохранить хотя бы минимальное согласие, взаимопонимание между суверенными республиками. Никакое давление на них не приемлемо, но выразить акт доброй воли, продемонстрировать, что мы надемся и всячески заинтересованы в сотрудничестве, вполне разумный и оправданный шаг, который скорее найдет понимание, чем выражение непримиримых позиций.

— Стало известно, что Совет Союза проголосовал против создания Комиссии по культуре. Чем, на ваш взгляд, вызвано такое решение депутатов?

— Сложилась парадоксальная ситуация. В Верховный Совет избрано много известных деятелей культуры, чье слово, чья агитация в пользу создания этой комиссии прозвучали бы и убедительно, и весомо. Но, увы, на заседаниях Совета они отсутствовали, и это сыграло свою негативную роль.

Однако я убежден: это не окончательное решение, и Совет Союза еще обязательно вернется к обсуждению данного вопроса. Считаю: сохранение единого культурного пространства необходимо. Оно существовало не с семнадцатого года, оно существовало веками. И потребность в духовном общении, в традиционных обменах сохранилась, и заинтересованы в таком общении не одна Россия, все республики. К пониманию этого мы, несомненно, придем, и соответствующая структура в высшем законодательном органе страны будет создана.

— Борис Львович, и последний вопрос. Как вы считаете, Васильев-парламентарий поможет Васильеву-писателю, или помешает ему? Как скажется ваша парламентская деятельность на вашем творчестве?

— Скажется, безусловно, отрицательно. У писателя и у парламентария совершенно разный стиль жизни, мышления. Писатель мыслит образами, парламентарий орудует конкретными фактами. Мне придется переделывать себя, учиться иначе думать, иначе работать. Это, несомненно, пойдет в ущерб моему творчеству, потом возвращаться в прежнее русло будет очень сложно. Но положение в стране сегодня столь трагично, жизнь народа столь тягостна, что думать о своих личных потерях, право же, неловко.

Беседу вел
Л. КОНОНОВА.